

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием адвоката М. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Л. от 17 декабря 2020 года (вх. № ... от 24.12.2020) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года адвокат М. нарушил пп. 2 и 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в навязывании им после 29 октября 2020 года своей помощи доверителю Л., несмотря на выраженную им в письменной форме позицию об отказе от адвоката М.

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Комиссии адвокат М. не согласился, указав, что все свои возражения изложил в заявлении, направленном в Совет Адвокатской палаты города Москвы. Их поддерживает в полном объеме и считает необходимым добавить, что, возможно, имеется недостаток в обращении к Л. в письме, направленном от имени его помощника, но во множественном числе. В средствах массовой информации он никогда специально не позиционировал себя как защитник Л. Всем журналистам он говорил, что является адвокатом, с которым заключено соглашение об оказании юридической помощи Л. Если и есть публикации, где его именуют защитником Л., а последнего – его подзащитным, то это интерпретация журналистов, а не его позиция. На согласование ему тексты не присылали, и, возможно, он должен был этого потребовать. Целью обращения к журналистам было освещение проблемы недопуска к обвиняемому, находящемуся под стражей. На тот момент в СМИ уже была информация о задержании Л. и какая-то информация о его личности. Адвокат М. не сообщал в СМИ какие-либо сведения как о самом Л. (он даже не знал этих сведений), так и о его деле. Он не знал ни обвинения (подозрения), ни его уголовно-правовой квалификации. Адвокат М. не воспользовался правом, предусмотренным ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, в связи с тем, что, с одной стороны, посчитал излишним разбивать процесс вступления в уголовное дело в качестве защитника на несколько этапов, выбрав общий

порядок вступления в уголовное дело, а с другой стороны, перед направлением следователю уведомления о вступлении в уголовное дело он посоветовался с другими адвокатами, которые сообщили ему, что механизм, закрепленный в ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, не имеет перспектив реализации при посещении ФКУ СИЗО-2 ФСИН России. Сумма вознаграждения определялась исходя из того, что сначала требовалось решить вопрос со вступлением в уголовное дело в качестве защитника. Он понимал, что на этом этапе будет много трудностей. Он также отдавал себе отчет в том, что реальной юридической помощи Л. на данном этапе он оказать не сможет. Поэтому определились сначала с вознаграждением в размере 1.000 рублей, а после вступления в уголовное дело в качестве защитника Л., выяснения его позиции по делу, договорились вернуться к вопросу о вознаграждении. О навязывании Л. своей помощи с его стороны не было и речи, и такую цель он не преследовал, а лишь выполнял свои обязательства по соглашению об оказании юридической помощи и пытался всеми законными средствами получить верифицируемое согласие или несогласие Л. с участием его в качестве защитника по уголовному делу. Никакой реальной юридической помощи Л. он не оказал и оказать не мог ввиду недопуска его к участию в уголовном деле. Против воли Л. он также не действовал и прекратил свои попытки вступления в дело, как только перестал сомневаться в достоверности позиции Л., от которой изначально узнавал только от следователя.

Заявитель Л. на момент подачи жалобы находился под стражей. Каких-либо сведений об изменении ему меры пресечения и возможности принятия участия в заседании Совета не представлено. Ходатайств о допуске к участию в заседании Совета его представителей не заявлено.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие заявителя Л., поскольку положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката М., Совет признаёт, что фактические обстоятельства правильно установлены Квалификационной комиссией, но считает их правовую оценку Комиссией ошибочной и не соответствующей положениям УПК РФ и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Так, установлено, что в производстве следователя по особо важным делам СУ ФСБ России М. находилось уголовное дело № ... по обвинению Л. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 275 УК РФ. Указанное уголовное дело было возбуждено 29 сентября 2020 года, в этот же день Л. был задержан в городе Т. по подозрению в совершении преступления в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, а 30 сентября 2020 года К. районным судом города Т. в отношении Л. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, после чего он был доставлен в Москву и помещен ФКУ СИЗО-2 ФСИН России.

01 октября 2020 года между адвокатом М., осуществляющим свою деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...», и К. было заключено соглашение № ... об оказании юридической помощи, в соответствии с которым адвокат М. обязался оказать квалифицированную юридическую помощь Л. «по защите его прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу». В соответствии с п. 3.1 Соглашения вознаграждение адвоката М. составило 1 000 рублей.

01 октября 2020 года адвокату М. был выдан ордер № ..., в соответствии с которым ему поручается «защита прав и свобод Л. на стадии предварительного следствия в СУ ФСБ России».

02 октября 2020 года адвокатом М. в СУ ФСБ России через ящик для обращений было подано уведомление о вступлении защитника в уголовное дело от 01 сентября 2020 года [*месяц на уведомлении указан адвокатом ошибочно, следует читать 01 октября 2020 года – примечание Совета*], в котором адвокат указал следующее: *«Настоящим уведомляю Вас, что я заключил соглашение об оказании юридической помощи Л. в ходе предварительного следствия. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ, адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера. На основании пункта третьего части четвертой статьи 46 и пункта девятого части четвертой статьи 47 УПК РФ после вступления в дело защитник вправе иметь с подзащитным свидания без ограничений по их количеству и продолжительности. Направляю в Ваш адрес ордер на оказание юридической помощи подзащитному, удостоверение адвоката будет представлено для обозрения по первому требованию. Также прошу сообщить информацию о месте нахождения моего доверителя – Л.»*. К указанному уведомлению адвокатом М. был приложен ордер от 01 октября 2020 года № ... и копия удостоверения адвоката, выданного на его имя. Уведомление адвоката М. было зарегистрировано СУ ФСБ России 03 октября 2020 года.

05 октября 2020 года подозреваемым Л. на имя следователя было написано собственноручное заявление, в котором Л. сообщил, что он отказывается от «услуг» адвоката М., и данное решение не связано с его материальным положением.

05 октября 2020 года адвокатом М. в СУ ФСБ России через ящик для обращений было подано ходатайство, в котором он просил выдать ему разрешение на посещение «подзащитного» Л. в следственном изоляторе и предоставить необходимую информацию по уголовному делу.

05 октября 2020 года в уголовное дело в качестве защитника Л. по соглашению вступила адвокат П., состоящая в реестре адвокатов М. области.

07 октября 2020 года помощник адвоката М. Ф. направил Л. письмо, в котором в числе прочего сообщил: *«мы вступили в уголовное дело по соглашению с Вашими близкими»*. Указанное письмо было получено Л., что подтверждается фактом приобщения данного письма к его жалобе.

07 октября 2020 года адвокатом М. в Л. районный суд города Москвы была подана жалоба в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, в которой,

с учетом последующих дополнений, адвокатом М. оспаривалось бездействие следователя, состоящее в неразрешении указанного выше ходатайства адвоката М. от 05 октября 2020 года.

08 октября 2020 года адвокату М. поступил телефонный звонок, в ходе которого лицо, представившееся следователем СУ ФСБ России М., пояснило, что документы от адвоката М. ему поступили, однако рассматривать вопрос о вступлении адвоката М. в уголовное дело он не намерен, так как от него уже отказался Л.

09 октября 2020 года следователь М. направил в адрес адвоката М. письменное сообщение следующего содержания: *«Настоящим уведомляю о том, что 05 октября 2020 года от Л. поступило заявление об отказе от услуг адвоката М. В этой связи сообщить интересующую Вас информацию в отношении Л. не представляется возможным».*

12 октября 2020 года состоялось судебное заседание Л. районного суда города Москвы по рассмотрению жалобы адвоката М., поданной в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. Из протокола судебного заседания усматривается, что судом было рассмотрено и удовлетворено ходатайство адвоката М. *«о проведении видео-конференц-связи с обвиняемым Л.»*. Судом постановлено *«направить в адрес Л. извещение о дате рассмотрения поданной в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы, а также решить вопрос о возможности проведения ВКС с участием Л.»*. Судебное заседание было отложено на 29 октября 2020 года.

29 октября 2020 года состоялось судебное заседание Л. районного суда города Москвы по рассмотрению жалобы адвоката М., поданной в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. По результатам рассмотрения жалобы судом вынесено постановление, которым в ее удовлетворении было отказано.

Из протокола судебного заседания усматривается, что председательствующим были оглашены поступившие в адрес Л. районного суда города Москвы *«заявление от Л., согласно которому он извещен надлежащим образом о дате, времени и месте судебного заседания, от участия в судебном заседании он отказался, ввиду того, что 05 октября 2020 года отказался от услуг адвоката М., заявление от Л., согласно которому Л. отказался от услуг адвоката М.»*. Адвокату М. судом была предоставлена возможность ознакомиться с указанными заявлениями Л. Кроме того, из протокола судебного заседания усматривается, что на момент его проведения адвокат М. уже был ознакомлен с указанным выше сообщением следователя М. от 09 октября 2020 года.

Заявление Л. от 14 октября 2020 года о его извещении о дате, времени и месте судебного заседания по рассмотрению жалобы адвоката М. изготовлено машинописным способом и лишь подписано заявителем, а заявление Л. от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката М. написано Л. собственноручно.

03 ноября 2020 года в приемную Л. районного суда города Москвы поступила апелляционная жалоба адвоката М. от 30 октября 2020 года на постановление указанного суда от 29 октября 2020 года.

24 ноября 2020 года адвокат М. предпринял попытку ознакомиться в Л. районном суде города Москвы с материалом, поступившим в суд совместно с ходатайством следователя о продлении срока содержания Л. под стражей. В ознакомлении с материалом ему было отказано.

26 ноября 2020 года состоялось судебное заседание апелляционной инстанции М. городского суда по рассмотрению апелляционной жалобы адвоката М. на постановление Л. районного суда города Москвы от 29 октября 2020 года. В удовлетворении апелляционной жалобы адвоката М. судом было отказано.

Из Л. районного суда города Москвы по запросу Президента Адвокатской палаты города Москвы получено собственноручное заявление Л. от 23 ноября 2020 года, адресованное в М. городской суд, и сопроводительное письмо ФКУ СИЗО-2 ФСИН России с отметкой о его поступлении в М. городской суд 25 ноября 2020 года. В своем заявлении от 23 ноября 2020 года, направленном в М. городской суд, Л. пишет: *«На мое имя поступила апелляционная жалоба на постановление Л. районного суда г. Москвы от 29.10.20 г. от адвоката М. (удостоверение № ...). Адвокат М. мне не знаком, соглашение с ним не заключал, своим родственникам и друзьям такого поручения не давал. Ранее в адрес Л. районного суда г. Москвы было направлено от моего имени заявление, в котором я выражал отказ от адвоката М. С доводами апелляционной жалобы, поданной по ст. 125 УПК РФ, я не согласен. Прошу суд апелляционную жалобу адвоката М. не рассматривать».*

Из протокола судебного заседания по рассмотрению дела № ... в апелляционном порядке от 26 ноября 2020 года усматривается, что прокурором было заявлено ходатайство о приобщении к материалу заявления Л. о его извещении, копии постановления следователя об удовлетворении ходатайства Л. *[имеется ввиду постановление об удовлетворении ходатайства Л. об отказе от «услуг» адвоката М. от 05 октября 2020 года – примечание Совета]*. Следователь М. пояснил, что указанное заявление направлено Л. в адрес М. городского суда 25 ноября 2020 года. Адвокат М. возражал против приобщения заявления Л., считая форму его предоставления ненадлежащей. Из протокола судебного заседания также усматривается, что после объявления перерыва председательствующий огласил заявление Л., поступившее в адрес М. городского суда *[имеется в виду заявление от 23 ноября 2020 года, направленное Л. в М. городской суд через администрацию следственного изолятора – примечание Совета]*. После оглашения заявления Л. о том, что он не согласен с апелляционной жалобой адвоката М. и просит суд ее не рассматривать, адвокат М. заявил суду, что доводы апелляционной жалобы поддерживает и, выступая в прениях, также просил постановление суда первой инстанции отменить и удовлетворить его апелляционную жалобу.

27 ноября 2020 года между адвокатом М. и Л.М. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с которым адвокат М. обязался оказать квалифицированную юридическую

помощь Л. «по защите его прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу № ... в СУ ФСБ России». В соответствии с п. 3.1 Соглашения вознаграждение адвоката М. составило 1 000 рублей.

После заключения еще одного соглашения на защиту Л. адвокат М. направил в адрес СУ ФСБ России заказным почтовым отправлением ходатайство о своем вступлении в уголовное дело в качестве защитника Л., указав в ходатайстве, что им принято поручение на защиту Л. *«в соответствии с заключенным новым соглашением об оказании квалифицированной юридической помощи Л.»*.

09 декабря 2020 года Л. собственноручно написал на имя следователя М. еще одно заявление, в котором указал, что «вновь» отказывается от «услуг» адвоката М. Желает, чтобы его защиту в ходе предварительного следствия осуществляла адвокат П., с которой у него заключено соглашение. Л. также указал, что не давал никому из близких родственников и знакомых поручения о заключении с адвокатом М. соглашения о его защите.

Письмом следователя М. от 09 декабря 2020 года адвокат М. еще раз был уведомлен о позиции Л. по вопросу оказания ему юридической помощи адвокатом М.

Также установлено, что еще до получения согласия Л. на осуществления его защиты и до принятия описанных выше попыток вступить в указанное уголовное дело в качестве защитника Л. адвокатом М. были направлены многочисленные жалобы и обращения в ФСБ Российской Федерации, Администрацию президента Российской Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, а о предпринятых адвокатом М. мерах по розыску Л. Интернет-издание «...» со ссылкой на информацию, полученную от адвоката М., сообщило еще 02 октября 2020 года (<https://...>). Позднее на страницах указанного издания адвокат М. освещал свои сложности с получением разрешения следователя на свидание с Л. (<https://...>). Сведения об участии в уголовном деле сообщались адвокатом М. и иным средствам массовой информации (<https://...>). Кроме того, адвокат М. направил жалобу в Адвокатскую палату М. области в отношении адвоката П., а также обратился в Комиссию Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов, председатель которой Зиновьев Р.Ю. письменно обратился к Генеральному прокурору РФ с просьбой провести проверку по факту недопуска адвоката М. к Л. и при наличии оснований принять меры прокурорского реагирования.

Давая оценку установленным фактическим обстоятельствам и действиям адвоката М., Квалификационная комиссия исходила из того, что он не воспользовался предоставленным ему ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ правом на свидание с подозреваемым Л. перед вступлением в уголовное дело для получения согласия последнего на участие в уголовном деле в качестве защитника. В связи с этим Комиссия пришла к выводу о том, что согласие на участие в уголовном деле в качестве защитника Л. как таковое адвокатом М.

у Л. не испрашивалось, а с 29 октября 2020 года, когда адвокат М. в судебном заседании Л. районного суда города Москвы ознакомился с рукописным заявлением Л. от 05 октября 2020 года «об отказе от услуг адвоката М.», последний утратил право действовать в интересах Л. По этой причине все последующие действия, по мнению Квалификационной комиссии, являлись недопустимым навязыванием своей помощи.

Совет не может согласиться с такой правовой оценкой профессионального поведения адвоката М. в силу следующего.

В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи» (часть 1). «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Право на защиту гарантируется общепризнанными принципами и нормами международного права - Всеобщей декларацией прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948); Конвенцией о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.); Международным пактом о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Основными принципами, касающиеся роли юристов (приняты в г. Гаване 27.08.1990 - 07.09.1990 восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями)) и международными договорами Российской Федерации в качестве одного из основных прав человека и гражданина. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому конституционного права на защиту является важнейшим принципом уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ).

Часть 4 ст. 49 УПК РФ предусматривает, что «адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

Толкуя приведенные и иные нормы УПК РФ, касающиеся права обвиняемого и подозреваемого пользоваться помощью защитника, Конституционный Суд РФ в Определениях от 22.04.2010 № 596-О-О, от 22.11.2012 № 2054-О, от 23.06.2016 № 1432-О сформулировал правовую позицию, согласно которой «выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело; решение же об отводе защитника может основываться только на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, исключающих его участие в деле. Таким образом, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П,

оспариваемые положения уголовно-процессуального закона не должны служить основанием для лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, принимать правоприменительные акты, разрешающие защитнику участвовать в деле; не должны они рассматриваться и как основание для введения разрешительного порядка реализации права адвоката иметь свидания с подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей».

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, 01 октября 2020 года между адвокатом М. и К. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с которым адвокат М. обязался оказать квалифицированную юридическую помощь Л. «по защите его прав на стадии предварительного следствия по уголовному делу». В этот же день адвокату М. был выдан ордер № ..., в соответствии с которым ему поручается «защита прав и свобод Л. на стадии предварительного следствия в СУ ФСБ России».

02 октября 2020 года адвокатом М. в СУ ФСБ России через ящик для обращений было подано уведомление о вступлении защитника в уголовное дело и ордер адвоката.

05 октября 2020 года после получения номера регистрации указанного уведомления, адвокат М. в месте нахождения следователя СУ ФСБ России по адресу: г. Москва, ... пытался связаться со следователем в целях подтверждения получения им ордера адвоката и предъявления удостоверения адвоката для вступления в уголовное дело в качестве защитника. Между тем, дежурный сообщил, что следователя, в производстве которого находится уголовное дело, нет на месте, но по прибытии он с ним свяжется самостоятельно.

В период с 05 по 07 октября 2020 года следователь не связался с адвокатом М. Поэтому адвокат М. в указанный период времени вынужден был подготовить ряд обращений в Следственный Российский Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Администрацию Президента РФ, УСБ ФСБ России, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации Москальковой Т.Н., Уполномоченному по правам человека по г. Москве Потяевой Т.А., а также к Председателю комитета за гражданские права, члену Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ Бабушкину А.В.

По согласованию с друзьями и родственниками Л. с целью привлечения внимания к сложившейся проблеме, систематическим и длящимся ее характером, возможной угрозой жизни и здоровью последнего, адвокат М. вынужден был обратиться в СМИ.

07 октября 2020 года адвокат М. подал жалобу в Л. районный суд города Москвы в порядке ст. 125 УПК РФ, а также многочисленные дополнения к ней, в соответствии с которой просил признать незаконным бездействия следователя, выразившиеся в несовершении действий, направленных на вступление его в уголовное дело в качестве защитника, а

также в препятствовании в допуске к подзащитному, находящемуся под стражей.

08 октября 2020 года на мобильный телефон адвоката М. поступил звонок из СУ ФСБ России с абонентского номера +7..., и лицо, представившееся следователем СУ ФСБ России М., пояснило, что документы от него (адвоката М.) ему поступили, однако рассматривать вопрос вступления его в уголовное дело он не собирается, так как от него (адвоката М.) уже отказался подзащитный Л.

Указанным фактическим обстоятельствам Квалификационная комиссия не дала какой-либо правовой оценки, тогда как они имеют существенное значение для обоснованного вывода о наличии или отсутствии навязывания юридической помощи в действиях адвоката М.

Оценивая приведенные выше фактические обстоятельства, Совет обращает внимание, что с 02 по 08 октября 2020 года следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, фактически лишил возможности адвоката М. исполнить требования ч. 4 ст. 49 УПК РФ, а именно: лично предъявить удостоверение адвоката для окончания процедуры вступления в уголовное дело. Поскольку адвокат М. по независящим от него причинам не смог совершить указанных выше действий, то в силу невыполнения требований ч. 4 ст. 49 УПК РФ он не приобрел процессуальный статус защитника обвиняемого (подозреваемого) Л.

Исходя из этого должна даваться надлежащая правовая оценка рукописному заявлению Л. об отказе от «услуг» адвоката М., с которым последний ознакомился 29 октября 2020 года в ходе заседания Л. районного суда города Москвы при рассмотрении поданной им жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 52 УПК РФ «подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника». Буквальное и системное толкование ст. ст. 49, 50, 52 УПК РФ свидетельствует о том, что отказ от защитника возможен только после появления в уголовном деле такого участника уголовного судопроизводства как «защитник» (ст. 49 УПК РФ). Адвокат М. не приобрел в уголовном деле в отношении обвиняемого (подозреваемого) Л. уголовно-процессуальный статус защитника, в связи с чем рукописное заявление Л. от 05 октября 2020 года не могло являться безусловным основанием для вывода Квалификационной комиссии о том, что «начиная с 29 октября 2020 года [адвокату М. – примечание Совета] следовало [...] немедленно устраниться от участия в уголовном деле».

Совет обращает внимание на то, что 29 октября 2020 года адвокату М. были доступны для изучения рукописное заявление Л. от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката М. и напечатанное машинописным образом уведомление Л. от 14 октября 2020 года о назначении даты рассмотрения жалобы на 29 октября 2020 года, от участия в рассмотрении которой он отказывается ввиду ранее написанного заявления от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката М. В связи с этим 29 октября 2020

года адвокат М. мог с достаточной степенью достоверности предполагать только то, что Л., находящийся под стражей в ФКУ СИЗО-2 ФСИН России, не имел возможности самостоятельно машинописным способом изготовить заявление от 14 октября 2020 года, в котором дополнительно указал на отказ от «услуг» адвоката М. от 05 октября 2020 года. Изложенные выше обстоятельства не только не могли устранить сомнения адвоката М. в добровольности и достоверности заявления Л. от 05 октября 2020 года об отказе от него, но и способствовали тому, чтобы утвердиться в них.

Совет также отмечает, что 29 октября 2020 года в судебном заседании Л. районного суда города Москвы стороной обвинения не было представлено постановление следователя по результатам рассмотрения заявления Л. от 05 октября 2020 года. Поэтому адвокат М. оказался в явно неопределенном и противоречивом процессуальном положении. С одной стороны, обвиняемый (подозреваемый) Л. отказался от «услуг» адвоката, и на этом основании следователь отказал во вступлении адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника. При этом такой отказ был сделан без участия адвоката и, соответственно, без предоставления последнему возможности удостовериться в добровольности отказа от него.

С другой стороны, следователь не представил в суд постановление об удовлетворении заявления Л. об отказе от защитника, в связи с чем заявленное адвокатом М. ходатайство оставалось неразрешенным, как и вопрос о его вступлении в уголовное дело.

Наконец, заявление Л. от 05 октября 2020 года об отказе от «услуг» адвоката невозможно расценить как добровольное волеизъявление Л., выражающее его несогласие с участием адвоката М. в уголовном деле в качестве его защитника, поскольку к процедуре получения такого отказа должны предъявляться требования по верификации, аналогичные требованиям к получению согласия адвоката на участие в уголовном деле в качестве защитника. Совет напоминает, что в Разъяснениях № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8), опубликованы: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 2. С. 129-130) содержится положение, в соответствии с которым «согласие обвиняемого (подозреваемого) не может рассматриваться в качестве достоверного, если адвокат получает его посредством связи с использованием функции «секретный чат» («звонок без определения номера») или по электронной почте, не позволяющей верифицировать отправителя». Учитывая, что согласие доверителя на оказание ему адвокатом юридической помощи на основании соглашения об оказании юридической помощи, заключенного третьим лицом в его (доверителя) пользу, и отказ доверителя в даче такого согласия влекут равнозначные последствия, то и к

верификации любого из указанных волеизъявлений доверителя должны предъявляться одинаковые требования.

По этой причине Совет признаёт, что изложенные выше обстоятельства не позволяли адвокату М. прийти к обоснованному выводу о том, что его доверитель, в пользу которого им было заключено соглашение об оказании юридической помощи, – обвиняемый (подозреваемый) Л. – добровольно и свободно выразил свою волю, не согласившись на участие адвоката М. в уголовном деле в качестве его защитника.

Из пояснений адвоката М., не опровергнутых заявителем, следует, что 30 октября 2020 года он обжаловал постановление Л. районного суда города Москвы от 29 октября 2020 года об отказе в удовлетворении жалобы в целях получения возможности встретиться с Л. в суде апелляционной инстанции для получения лично от него сведений о необходимости или отсутствии необходимости его защиты по уголовному делу, добровольности или недобровольности «отказа от услуг».

В период между подачей апелляционной жалобы и датой рассмотрения ее судом апелляционной инстанции адвокат М. получил ответ начальника отдела Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации Н. № ... от 23 ноября 2020 года, в котором указывалось, что уведомление адвоката М. от 02 октября 2020 года о вступлении в уголовное дело вместе с ордером поступило в адрес СУ ФСБ России 06 октября 2020 года, а обвиняемый (подозреваемый) Л. отказался «от услуг» адвоката М. 05 октября 2020 года. В связи с этим адвокат М. вновь утвердился в своих сомнениях в добровольности и достоверности заявления Л. от 05 октября 2020 года, поскольку невозможно было подать заявление об отказе от «услуг» адвоката М. за день до получения следователем информации о том, что адвокат М. вступает в уголовное дело, о чем информирует следователя.

Квалификационная комиссия, давая оценку указанным фактическим обстоятельствам, посчитала этот довод адвоката М. «явно надуманным», поскольку «очевидно для адвоката М. содержалась ошибка в указании даты поступления уведомления адвоката следователю, а к моменту получения указанного ответа фактические обстоятельства, связанные с заявлением Л. отказа от адвоката М. и его рассмотрением следователем, адвокату М. были хорошо известны».

Совет не может согласиться с приведенной оценкой в связи со следующим. В материалах дисциплинарного производства отсутствуют какие-либо сведения об иных датах получения следователем уведомления адвоката М. о вступлении в уголовное дело в качестве защитника и его рассмотрения следователем или о существовании иных фактических обстоятельств, анализ которых позволил бы однозначно оценить приведенные сведения как ошибочные. Поэтому предположительный вывод Комиссии об очевидности для адвоката М. «ошибки в указании даты поступления уведомления следователю», с которым сам адвокат М. также не согласен, не основан на установленных Квалификационной комиссией

фактических обстоятельствах и не может быть положен в основу решения о наличии в действиях адвоката М. навязывания юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки выводу Квалификационной комиссии, соглашается с оценкой адвокатом М. заявления Л. от 05 октября 2020 года как вызывающего обоснованные сомнения в добровольности и достоверности его волеизъявления.

В дополнение к этому Совет обращает внимание, что сведения о поступлении в СУ ФСБ России именно 06 октября 2020 года уведомления адвоката М. от 02 октября 2020 года о вступлении в уголовное дело содержатся не в одном ответе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а, как минимум, в двух. Так, к письменным объяснениям адвоката М. приложены ответы начальника отдела управления Генеральной прокуратуры РФ Н. от 23.11.2020 № ... и от 24.11.2020 № ..., адресованные соответственно председателю МОПБО Б. и адвокату М. Оба ответа содержат аналогичные по содержанию сведения, что лишь подтверждает довод о наличии оснований для обоснованных сомнений в достоверности заявления Л. от 05 октября 2020 года.

26 ноября 2020 года в М. городском суде состоялось рассмотрение апелляционной жалобы адвоката М. на постановление Л. районного суда города Москвы от 29 октября 2020 года. В ходе судебного заседания по ходатайству следователя были приобщены к материалам заявления Л. от 23 ноября 2020 года о несогласии с доводами жалобы и нежелании принимать участие в судебном заседании и иметь своим защитником адвоката М., а также постановление следователя М. от 05 октября 2020 года об удовлетворении ходатайства (заявления) Л. от 05 октября 2020 года об отказе от защитника – адвоката М.

После ознакомления с указанными заявлением Л. и процессуальным решением следователя о разрешении заявления Л. об отказе от защитника – адвоката М. последний прекратил осуществлять какие-либо действия в интересах Л.

Изложенные выше обстоятельства не позволяют Совету согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что «начиная с 29 октября 2020 года у адвоката М. не имелось разумных оснований считать себя защитником Л., и ему следовало [...] немедленно устраниться от участия в уголовном деле». Совет полагает, что в условиях, когда следователь фактически блокировал адвокату М. возможность предъявить удостоверение адвоката, вступить в уголовное дело в качестве защитника и при личной встрече с Л. в ФКУ СИЗО-2 ФСИН России выяснить его позицию относительно участия адвоката М. в качестве его защитника, адвокат М. в период по 26 ноября 2020 года включительно действовал правомерно и добросовестно, добиваясь всеми не запрещёнными законом способами возможности достоверно установить истинную волю Л., и такие его действия не могут быть квалифицированы как навязывание своей помощи доверителю.

Как правильно установлено Квалификационной комиссией, после 26 ноября 2020 года по инициативе родной сестры обвиняемого Л. – Л.М. – с

адвокатом М. было заключено новое соглашение об оказании юридической помощи ее брату – Л. от 27 ноября 2020 года. Основанием для заключения нового соглашения явился ее телефонный разговор с братом, в ходе которого последний высказал намерение встретиться с адвокатом М.

В этот же день, 27 ноября 2020 года, уведомление о вступлении в уголовное дело в качестве защитника совместно с ордером было передано в СУ ФСБ России. Указанные документы получены следователем 04 декабря 2020 года.

24 декабря 2020 года в заседании Квалификационной комиссии Адвокатской палаты М. области при рассмотрении жалобы в отношении другого защитника обвиняемого Л. – адвоката П., адвокатом М. получена информация о том, что Л. вновь отказался от его «услуг», написав 09 декабря 2020 года заявление на имя следователя М. После получения этой информации адвокат М. окончательно прекратил все действия по вступлению в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого Л., поскольку поведение последнего по отношению к адвокату М. приобрело устойчивый характер и исключило разумные основания для дальнейших сомнений в нежелании Л. иметь адвоката М. в качестве своего защитника.

Сопоставление двух периодов, в ходе которых адвокат М. пытался вступить в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого) Л. - с 02 октября по 26 ноября 2020 года и с 27 ноября по 24 декабря 2020 года, свидетельствует о том, что в ходе первого периода адвокат М. предпринимал активные попытки вступить в уголовное дело, используя различные правовые механизмы (жалобы, обращения в различные органы и т.п.). В рамках второго периода, обнаружив последовательность позиции Л., адвокат М. не предпринимал активных действий, что также свидетельствует об отсутствии в его поведении признаков навязывания Л. своей юридической помощи.

Поскольку в Заключении Квалификационной комиссии имеется ссылка на ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ о праве адвоката на свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера перед вступлением в уголовное дело и о значении этого правомочия для настоящего дисциплинарного производства, Совет считает необходимым дать отдельные пояснения о его применении.

17 апреля 2017 года принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации», направленный на создание дополнительных гарантий независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве. Согласно пояснительной записке к проекту указанного федерального закона, им «вводятся правила, которые, развивая уже закрепленные в уголовно-процессуальном законе требования, позволяют в ходе предварительного расследования сократить риски воспрепятствования допуску защитника к участию в досудебной процессуальной деятельности, в том числе на первоначальном этапе».

Этим федеральным законом ст. 49 УПК РФ была дополнена частью 4.1, в соответствии с которой «в случае необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле перед вступлением в уголовное дело адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера».

Квалификационная комиссия отметила, что адвокат М. не воспользовался предоставленным ему ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ правом на свидание с обвиняемым (подозреваемым) Л. перед вступлением в уголовное дело для получения согласия на свое участие в уголовном деле, а сразу направил уведомление о вступлении в уголовное дело в качестве защитника.

Совет в этой связи обращает внимание на то, что ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ имеет неразрывную и системную взаимосвязь с ч. 1 ст. 50 УПК РФ, согласно которой защитник приглашается самим обвиняемым (подозреваемым), а также по их поручению другими лицами или с согласия обвиняемого (подозреваемого). До внесения указанных изменений в УПК РФ адвокаты следователи (дознаватели) отказывали адвокатам во вступлении в качестве защитников в уголовное дело, мотивируя отказ тем, что у них отсутствует согласие обвиняемого (подозреваемого) на их участие в качестве защитников. Одновременно с этим следователи отказывали в предоставлении адвокатам свидания с обвиняемым (подозреваемым) для получения согласия на участие в уголовном деле в качестве защитника, ссылаясь на то, что они не являются участниками уголовного судопроизводства. В целях недопущения подобных ситуаций и формирования процессуального механизма их разрешения в ст. 49 УПК РФ и была введена ч. 4.1 указанного выше содержания.

При этом введение ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ не изменило сам порядок вступления защитника в уголовное дело, но предоставило дополнительные гарантии: обвиняемым (подозреваемым) - реализации права на свободный выбор защитника, а адвокатам - допуска к доверителю. Соответственно, полномочие, предусмотренное ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, является правом адвоката, но не его обязанностью. В зависимости от процессуальной ситуации и содержания соглашения адвокат самостоятельно может определить вариант действий: предварительное получение согласия на участие в уголовном деле и последующее вступление в уголовное дело или вступление в уголовное дело сразу после заключения соглашения с получением согласия обвиняемого (подозреваемого) до начала оказания ему юридической помощи. Выбор варианта вступления в уголовное дело влияет лишь на содержание первоначального ордера и характер последующих действий адвоката (необходимость предъявления нового ордера – на участие в уголовном деле или уведомления о расторжении соглашения в случае неполучения согласия).

Иными словами, положения ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ не обязывают адвоката в случае заключения соглашения в пользу третьего лица сначала провести свидание с обвиняемым (подозреваемым) для получения его

согласия, и лишь получив его, представить следователю ордер в качестве защитника для вступления в уголовное дело.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях № 12 по вопросам профессиональной этики адвоката «Об особенностях заключения и оформления соглашений об оказании юридической помощи – защиты по уголовному делу – в пользу третьего лица» (утверждены Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы 27 июня 2019 года, Протокол № 8, опубликованы: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/elucidate/6117/>, «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 2. С. 129-130) рекомендовал адвокатам «активно пользоваться этим правом в целях своевременного получения такого согласия», но не сформулировал иной (тем более, отличный от УПК РФ) порядок вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника.

Наконец, Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о том, что «вся активность адвоката М. была направлена на самопиар в средствах массовой информации, на что, помимо установленных Комиссией обстоятельств общения адвоката со средствами массовой информации, в данном конкретном случае указывает и размер вознаграждения адвоката по каждому из заключенных соглашений».

Совет неоднократно высказывал и повторяет вновь позицию о том, что размер вознаграждения определяется сторонами соглашения об оказании юридической помощи и не может подвергаться оценке на предмет его обоснованности извне, в том числе, со стороны органов адвокатского самоуправления. В данном случае установление суммы вознаграждения адвоката М. в размере 1.000 рублей по каждому из соглашений также не свидетельствует о том, что целью его действий являлся «самопиар в средствах массовой информации». Как пояснил адвокат М., сумма вознаграждения определялась исходя из того, что на первоначальном этапе нужно было решить вопрос о вступлении в уголовное дело в качестве защитника, определить объем работы в соответствии с избранной доверителем позицией, после чего планировалось определить итоговую сумму вознаграждения. Это объяснение адвоката ничем не опровергнуто, и Совет находит его достоверным и разумным.

Совет обращает внимание на то, что само по себе общение адвоката с представителями средств массовой информации в целях защиты интересов доверителя не может быть расценено как «самопиар» (действия, имеющие целью привлечение внимание к себе и повышение узнаваемости в информационном пространстве). Кроме того, в жалобе Л. не указаны средства массовой информации, в которых адвокат М. позиционирует себя как адвокат-защитник Л., повествует о фактах жизни последнего и его задержании в городе Т., разглашает сведения, составляющие адвокатскую тайну. Квалификационная комиссия, выйдя за пределы жалобы, указала в Заключении информационные ресурсы, в которых были опубликованы комментарии адвоката М. относительно проблем, возникающих у него при вступлении в уголовное дело в отношении Л. и при получении свидания с

ним. При этом Комиссия, не анализируя содержание указанных ею комментариев адвоката М., пришла к выводу, что «вся активность адвоката М. была направлена на самопиар в средствах массовой информации». Этот вывод нельзя признать обоснованным.

В этой связи Совет считает необходимым обратить внимание на то, что Европейский суд по правам человека в Постановлении от 15 ноября 2011 года по делу «Мор (Mor) против Франции» (жалоба № 28198/09) указал: «обращаясь к замечаниям, высказанным вне зала суда, Европейский Суд повторяет, что защита клиента может быть осуществлена путем появления в телевизионных новостях или с помощью высказываний в прессе, и с помощью подобных способов адвокаты могут уведомить общественность о недостатках, которые могут нанести ущерб судопроизводству» (§ 59). Поэтому сам по себе факт выступления адвоката в средствах массовой информации с комментарием о нарушении его профессиональных прав не может быть признан упречным профессиональным поведением и, тем более, получить оценку как «недопустимого самопиара».

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката М. не опровергнутой и, вопреки Заклчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката, не усматривает в его профессиональном поведении признаков нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, совершённого умышленно или по грубой неосторожности.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы (без участия в голосовании Рябцева В.Н. и Сучкова А.В.)

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе Л. от 17 декабря 2020 года (вх. № ... от 24.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков